

21	0224-01	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 1 "Сквозь меня"
22	0224-02	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 2 "Норма величья"
23	0224-03	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 3 "Вон из рёбер"
24	0224-04	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 4 "У погибли на краю"
25	0224-05	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 5 "В предпогромные дни"

"Сожжённые слёзы" (Коренблит – Лиснянская)

Часть 4 "У погибли на краю"

1(76). Подаянья	– 1.39
2(77). Господи, не жалея	– 1.10
3(78). Бессонница	– 1.27
4(79). Русские сны	– 2.09
5(80). Гитару настрой	– 1.29
6(81). Бабочки	– 1.25
7(82). Воспоминания	– 1.07
8(83). Голая вода	– 2.46
9(84). Ещё воспоминания	– 3.30
10(85). Триптих забвенья	– 3.07
11(86). Связи корневые	– 1.31
12(87). Затем	– 1.10
13(88). Господи, спаси	– 1.08
14(89). Жалость	– 1.37
15(90). Кресло, свеча и я	– 1.27
16(91). Это я сама	– 1.16
17(92). Похожая на кликушу	– 1.06
18(93). У погибли на краю	– 1.17
19(94). Душа-заложница	– 2.02
20(95). Чучельная мастерская	– 1.21
21(96). Триптих крыла	– 2.10
22(97). Формула	– 1.32
23(98). Ощущение свободы	– 1.10
<i>Общее время звучания - 38.38</i>	
<i>Общее время звучания - 190.58</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 4 "У погибли на краю"

1. ПОДАЯНЬЯ

У нищих прошу подаянья,
 Богатым сама подаю,
 И входит второе дыханье
 В охрипшую глотку мою:

Подайте мне ваше терпенье
 На паперти жизни стоять
 И посохом щупать ступени
 Земли, отступающей вспять!

Подайте мне дар беззащитный
 Угадывать издалека
 Дающих в толпе ненасытной, —
 Да не оскудеет рука!

Подайте мне вашу беспечность
 Не думать, не знать наперёд
 И, кружку подставив под вечность,
 Отведывать медленный мёд!

Бесчувственные к оплеухам
 И милостивые к грехам,
 Подайте, блаженные духом,
 А я ненасытным подам!

2. ГОСПОДИ, НЕ ЖАЛЕЙ!

Где живу, там и рай земной.
 Меж березою и сосной
 Проступил в синеве сплошной
 Ангел, словно знак водяной.

Больше я не могу о войне
 Ни в Сараево, ни в Чечне,
 Этот век так устал во мне,
 Что усоп на косматом дне

Простоватой души моей,
 Виноватой души моей,
 Бесноватой души моей,
 Господи, не жалеи!

3. БЕССОННИЦА

Бессонной стала ночь, а день — беспечным бредом,
 Где и в снегу любой мне куст и ствол знаком,
 А всякий человек, пусть и сосед, — неведом,
 И с лесом в сговоре их обхожу тайком.

...И вновь не сплю в доме гостиничного типа, —
 Насколько день шкодлив, настолько ночь строга,
 Не позволяет мне унизиться до всхлипа:
 Жизнь укорочена — удлинена строка.

Удлинена и мысль о том, что на пороге
 Смерть нищенкой стоит, и я скуплюсь подать
 Свою копейку-жизнь. Ведь скоро в снежной тоге
 День бредящий придёт, а с ним — и благодать —

Не мыслить, не страдать...

4. РУССКИЕ СНЫ

Пронзены половецкими стрелами русские сны,
 Мы живём или после войны или перед войной,
 За собой никакой мы не знаем вины, потому и сильны, —
 За чужою виной как за каменной, видно, стеной.

Но я — выродок, я со стеною воюю во сне,

Мне чужая вина не защита, на то есть Покров.
 Да и днём предо мною кирпич. Что сказать о стене,
 Ржавым цветом похожую на окаменелую кровь?

Где стихи про любовь? Всё рифмую войну и вину,
 Я устала сама от себя. Я достану шпагат,
 Сплошняком снизу доверху туго его натяну
 И пушу по нему вифлеемских кровей виноград.

Виноградный побег, оскуделый за столько эпох,
 Всё ж неплох, он прикроет кирпич, успокоит мой сон,
 И тебя возвернёт, и расслабит мой выдох и вдох, —
 И придёшь, и возлюбишь, и выключу я телефон.

Ты увидишь, как вспыхнут зрачки виноградным огнём,
 И забудемся мы, и забудем, в каком полусне
 И когда мы живем, до войны или после живём,
 И какая вина замурована в этой стене.

5. ГИТАРУ НАСТРОЙ

В эфире — глушилка, в квартире — бедлам.
 К чему нам усталость делить пополам?

Не слишком ли поздно пришел ты ко мне? —
 Полмира обуглилось в черном окне.

И только глушилка, как сердце моё,
 Ещё заглушает себя самоё.

К чему нам известья из тьмы мировой?
 Транзистор разбей, а гитару настрой,

Гитару настрой и по струнам ударь,
 Да так, чтобы числа забыл календарь.

6. БАБОЧКИ

Но все слова, что произносишь ты
 После разлуки длительной и нищей, —
 Такие запоздалые цветы,
 Какие не приносят на кладбище.

Давай-ка лучше просто посидим,
 Свою любовь молчанием помянем,
 Так призраков её не оскорбим
 И бабочек её мы не обманем.

Ты видишь, под глаза мои легли
 Круги моей вины, твоей измены.
 А призраки, как бабочки, легки,
 А бабочки, как призраки, мгновенны.

7. ВОСПОМИНАНИЯ

Идем сквозь невзгоды
В жару и в метель,
Ты, чудо природы,
И я — твоя тень.

Отбрасывать, значит,
Ты должен меня,
А что это значит,
Скажи, для меня?

То — в пекло, то — в прорубь,
И я устаю.
Напомни, мой голубь,
Мне младость мою!

.....
Неужто я пела?
Неужто был дом?
Неужто я смела
Быть чьим-то ребром?

8. ГОЛАЯ ВОДА

Ах, месяц апрельский, ах, месяц над голой водой!
Прискорбная наглость всегда оставаться собой
И думать, что зеркало — миропознания стекло.
Не это ли на неподвижность меня обрекло?

Зрчками бы зеркало я просверлила насквозь,
Да сверла мои бумерангом вернутся в зрчки.
Была бы я мудрой, — жила б наобум, на авось,
Как некогда мной не разгаданные простачки.

Они-то и ввысь поднимались и падали вниз,
А я со стеклом совещалась, испод серебра.
Что было бы, месяц, когда бы однажды Нарцисс
С отважною ненавистью посмотрел на себя?

Не знаю, что было б, но я прилепилась к нулю,
Владея, как ты, лицевой стороною стекла,
Себя проклиная, я снова себя обелю, —
Мол, только глазами темна, а душою светла.

Тебе повезло, — ты от зеркала так отдален,
Что между тобой и рекой пролегают века,
Прозрачные тени былого и ангелов сон,
И стекла грядущего, вставленные в облака.

К тебе обращаюсь, поскольку заядлых друзей
С зеркального круга, как будто бы с блюдца, слизнул
Язык мой бескостный, но вижу: и ты — ротозей,
По голой воде голубую размазал слезу.

9. ЕЩЁ ВОСПОМИНАНИЯ

1

Гроза во мгле еловой
Сожгла мои глаза.
В начале было Слово,
Потом была слеза.

2

Что видишь ты сквозь шарфик мамин,
Сквозь ярко-розовый шифон?
Армянской церкви серый камень
Бакинским ветром раскален.

Как стены круглые тандыра,
Где старики пекут лаваш.
Нет, дымно-хлебный запах, мира
Забвению ты не предашь.

А вспомнишь ли на самом деле,
В чем первая твоя вина
И что в подсоленной купели —
В слезе Христовой крещена.

3

Как бабочек крылья распахнутые,
Восточной раскраски,
Цветы возле Каспия бархатные
Анютины глазки.

И зори цветы олеандровые
Над медью инжира.
И все полусонные правды мои
Об ужасах мира

В подводные ямы затягивало
Петлей смерчевидной,
И чтоб не погибнуть, поддакивала
Я лжи очевидной.

Так детство кончалось, заискивая
Пред страхом развязки,
В петлицу забвенья протискивая
Анютины глазки.

4

Что раковина скрыла, то подлежит повтору.
У скал утихло море, морщины расшибя.
Я правду говорила лишь вольному простору,
Поскольку воля слышит лишь самоё себя.

10. ТРИПТИХ ЗАБВЕНЬЯ

1

Уходи. Я памяти не рада.
Жизнь висит, но не на волоске —
На шпагатике для винограда,
Возрастающего на песке.

Уходи, мой виноградоокий
С непрозрачной косточкой-зрачком,
В край, где Каспий некогда глубокий
Прятал нефть под рыбьим косяком.

Что забыл в моем московском доме?
В морозилке виноградный сок
Или жизнь мою, что невесомей,
Чем шпагат и даже — волосок...

2
Живешь у памяти во власти:
На родине Авесты
Поспешный шепот страсти,
Замедленные жесты.

О, как там изгибались снасти
От жадного улова,
Но больше мне о счастье
Не говори ни слова.

Пусть среднерусский дождь по жести
Стучит, как по могиле,
Пусть занавесит вести
О том, как мы любили.

3
Рада бы в рай, да грехи не пускают,
Даже — безгрешные сны,
Где на волне мои пальцы ласкают
Рыбью чешуйку луны.

Дальнее море, ах, давнее море —
Солонопламенный рай.
Ангел с вниманьем змеиным во взоре,
Мыслям моим не внимай,

Сон мой покинь и исчезни из были
И не навевывай явь.
То, что мы на море сердцем избыли,
Всплесками крыльев не славь.

11. СВЯЗИ КОРНЕВЫЕ

Все ушло — заметки путевые,
Встречи у вокзального киоска,
Но остались тучки кучевые,
Ты да я да белая березка.

Но ушли и тучки кучевые
 Вслед событию без отголоска,
 Но остались капли дождевые,
 Ты да я да белая березка.

Но застыли капли дождевые.
 Смерть — всего лишь жизни заморозка.
 И остались мы втроем впервые —
 Ты да я да белая березка.

И на небе поняли впервые;
 Как в земле ни тесно и ни жестко,
 Неразрывны связи корневые —
 Ты да я да белая березка.

12. ЗАТЕМ

Не затем я шла,
 Чтоб тебя обидеть,
 А затем я шла,
 Чтоб тебя увидеть.

Не затем жила,
 Чтоб не знать о боли,
 А затем жила,
 Чтоб не знать неволи.

Не затем ушла,
 Чтобы схоронили,
 А затем ушла,
 Чтобы не забыли.

13. ГОСПОДИ, СПАСИ

Я вчера сказала другу:
 Не протягивай мне руку,
 Коль попала я в беду,
 Знать — не пропаду.

Строгой матери сказала:
 Коли я в беду попала,
 Значит, и беда мне впрок,
 Будет мне урок.

Милой дочери внушила,
 Что беда такая сила, —
 Коли породнилась с ней,
 Сделаюсь сильней.

Ну, а страх перед бедою
 Никому я не открою:
 Много тюрем на Руси.
 Господи, спаси!

14. ЖАЛОСТЬ

С годами любовь становится жалостью,
 Сочувствием к птице и к зверю милостью,
 Жалею жука под прижимистой жимолостью
 И кошку, чьи очи мерцают усталостью,
 Как цвелью покрытые воды нильские.
 Но более всех я жалею ангела,
 С которым смеялась я меньше, чем плакала,
 Ведь муки приносят нам самые близкие.
 Пусть только живёт! Не желаю лучшего.
 Пусть только увидит, что жизнь переменится.
 Ещё я жалею небесного лучника,
 Незримого за тетивую месяца.

15. КРЕСЛО, СВЕЧА И Я

Мне больше не о чем говорить,
 Но я говорить хочу
 О том, что не о чем говорить,
 И хлопаю по плечу
 Родное кресло, — в одно окно
 Глядим и на том сошлись,
 Что дым отечества — это жизнь,
 Отравленная давно.

Мне больше не о чем сожалеть,
 Но я сожалеть хочу
 О том, что не о чем сожалеть,
 И зажигаю свечу.
 Свеча вечерняя хороша,
 Втроём мы сошлись на том,
 Что наше время живёт, дыша
 Не воздухом, а огнём.

Мне больше некого убеждать,
 Но я убеждать хочу,
 И в том, что некого убеждать,
 Возрадоваться лучу,
 Лучу, заблудшему в соснах трёх
 И всё ж несущему весть,
 Что Божье дыханье и в дыме есть.
 Да нужен поглубже вдох.

16. ЭТО Я САМА

Кого бы я ни встречала
 Я встречала себя,
 Кого бы ни уличала —
 Я уличала себя,

Кого бы я ни любила —
 Я любила себя,
 Кого бы ни хоронила —

Я хоронила себя.

Кого бы я ни жалела —
Я жалела себя,
Куда бы я ни летела —
Я летела в себя.

Сходили с ума. Но это
Я сходила с ума.
И если вдуматься в это,
Весь мир — это я сама.

17. ПОХОЖАЯ НА КЛИКУШУ

А кому ты скормила душу,
И сама ты уже не знаешь,
И, похожая на кликушу,
Ты сама себя заклинаешь:

Проклинать — не твоё занятие,
Уличать — не твоя забота,
Ты надень-ка белое платье,
Да ступай-ка ты на болото.

Поклонись там ягоде-клюкве,
И она тебя озадачит:
Цапля дивная в чёрном клюве
Нянчит душу твою и плачет.

18. У ПОГИБЕЛИ НА КРАЮ

Что еще сказать на краю
Окружной, где черна пыльца?
Я придумала жизнь мою
От начала и до конца.

Что сказать на краю утра,
Прохимичившего зарю?
Я, быть может, лишь тем хитра,
Что нисколько не хитрю.

Что еще на краю сказать
Окружной, где крови — алеть?
Научились мне доверять,
Разучились меня жалеть.

На мормышку рыбка клюет,
На доверие клюю.
Так о чем же рыбка поет
У гибели на краю?

19. ДУША-ЗАЛОЖНИЦА

Я с ужасом твержу: смирись,
Моя душа-заложница,

Уж коли так сложилась жизнь,
Иначе и не сложится!

Есть только право умереть,
А умереть успеется.
Свистит над головою плеть —
Российская метелица.

Но там, где возродилась былль,
Где жизнь творится наново,
Ты обо мне не плачь, Рахиль,
В жилище ханаановом!

Вросла я в почву, словно ель,
А почва многослойная.
Меня не вызволит отсель
Звезда шестиугольная.

Я в русский снег и в русский слог
Вросла — и негу выхода, —
Сама я отдалась в залог
От вдоха и до выдоха!

И душно замятью ночной
Мне под звездой казенною.
И вьется мирный дым печной,
Как будто над газовнею...

20. ЧУЧЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Всё в моём доме давно мне наскучило —
Кисть и пейзаж на стене,
А мастерская, где делают чучела,
Очень понравилась мне.

Правда стояла в соломенном вретище,
Выдвинув руки вперёд.
Словно ждала, что заблудшее детище —
Совесьть — в объяття падёт.

Ложь была в шлеме и в рыцарском панцире,
В прочной осоке с болот
И раскрывала зелёными пальцами
Густо-коричневый рот.

Тут же, берёзовой шкуркой обмотана,
Совесьть косила слегка...
Мальчиком чучело это сработано,
Внуком того старика,

С кем за одной восседала я партою,
С кем развела меня жисть,
Где я металась меж ложью и правдою,

Пробуя краски и кисть.

21. ТРИПТИХ КРЫЛА

1

Я, посторонняя всем сборищам людским,
 Всем неуютная за праздничным столом,
 Я проживу под именем твоим
 Бесстрашно, как под ангельским крылом,
 Не плачет музыка, душа не дребезжит,
 Хоть вдута мастером не в глину, а в стекло,
 Но время всеми тучами летит
 И прогибает ангела крыло.

2

Я еще не совсем умерла,
 Чтоб могила мне стала мила,
 Но достаточно я умерла,
 Для того, чтоб не видеть стекла.
 Я иду, я лечу сквозь стекло, —
 И не больно и не тяжело,
 Только жаль, что тебе на крыло
 Столько красной воды натекло.
 Ты оставь меня, ангел, оставь,
 Ты крыла своего не кровавь!
 Уж такая нам выдалась ночь —
 Убережь меня, мне не помочь, —
 Легче в небе звёзды толочь.

3

Ты брал меня под свое крыло,
 И ты не жалея меня,
 Видишь: Распятие расцвело
 Розами четырьмя.

22. ФОРМУЛА

Так абсурдно всё и так банально,
 Хоть садись и формулу пиши,
 Что обратно пропорциональна скорости,
 Скорость тела скорости души.

Но уже нет сил остановиться,
 Поразмыслить, вспомнить о былом, —
 И опять в ничто ушла столица,
 Опрокидываясь под крылом, —

Где квадраты с пахотною грязью?
 Где лесов небуквенная вязь?
 Подменяем мы воздушной связью
 Нашу с небом жертвенную связь.

Чем стремительней, тем неподвижней
 Самолет летит — стоят века,

Облака стоят, как в мае вишни
И одновременно как снега,

И уже слезой не поперхнуться,
Не зажечь повинную свечу, —
Ах, как быстро наши связи рвутся,
Ах, как неподвижно я лечу!

Над толпой то ли снегов, то ль вишен
Толпы звёзд стоят, разжав персты.
Почему я среди них не вижу
Их меньшей Рождественской сестры?

23. ОЩУЩЕНИЕ СВОБОДЫ

Здесь белые ночи
И Финский залив мелководный.
Впервые и прочно
Себя ощущаю свободной

От собственной тьмы
И от тьмы беспробудного дома,
От душной зимы,
Что стояла в груди моей комом.

Но вот на песке,
Где трава голубая — пучками,
К любовной тоске
Ты зовешь смоляными зрачками.

Скорее дай руку,
Скорее скажи: «До свиданья!»
На длинную муку
Уже не хватает дыханья!